

Anhang I:

Schostakowitschs russische Textvorlagen

1. De profundis

Original:
Federico García Lorca

Los cien enamorados
duermen para siempre
bajo la tierra seca.
Andalucía tiene
largos caminos rojos.
Córdoba, olivos verdes
donde poner cien cruces,
que los recuerden.
Los cien enamorados
duermen para siempre.

Russisch der Originalkomposition:
Inna Tynyanova

Сто горячо влюбленных
Сном вековым уснули
Глубоко под сухой землею.
Красным песком покрыты
Дороги Андалусии.
Ветви олив зеленых
Кордову заслонили.
Здесь им кресты поставят.
Чтоб их не забыли люди.
Сто горячо влюбленных
Сном вековым уснули.

2. Malagueña

Original:
Federico García Lorca

La muerte
entra y sale
de la taberna.

Pasan caballos negros
y gente siniestra
por los hondos caminos
de la guitarra.

Y hay un olor a sal
y a sangre [de hembra],
en los nardos febriles
de la marina.

La muerte
entra y sale
y sale y entra
la muerte
de la taberna.

Russisch der Originalkomposition:
Anatolij Geleskul

Смерть
вошла и ушла
из таверны.

Черные кони
и темные души
В ущельях
гитаны бродят.

Запахли солью
и жаркой кровью
Соцветья зыби нервной.

А смерть
все выходит и входит
И все не уйдот
из таверны.

3. La Loreley

Original von Guillaume Apollinaire, nach Brentano

À Bacharach il y avait une sorcière blonde
Qui laissait mourir d'amour tous les hommes à la ronde
Devant son tribunal l'évêque la fit citer
D'avance il l'absolvit à cause de sa beauté
Ô belle Loreley aux yeux pleins de pierreries
De quel magicien tiens-tu ta sorcellerie
Je suis lasse de vivre et mes yeux sont maudits
Ceux qui m'ont regardée évêque en ont péri
Mes yeux ce sont des flammes et non des pierreries
Jetez jetez aux flammes cette sorcellerie
Je flambe dans ces flammes ô belle Loreley
Qu'un autre te condamne tu m'as ensorcelé
Évêque vous riez Priez plutôt pour moi la Vierge
Faites-moi donc mourir et que Dieu vous protège
Mon amant est parti pour un pays lointain
Faites-moi donc mourir puisque je n'aime rien
Mon cœur me fait si mal il faut bien que je meure
Si je me regardais il faudrait que j'en meure
Mon cœur me fait si mal depuis qu'il n'est plus là
Mon cœur me fit si mal du jour où il s'en alla
L'évêque fit venir trois chevaliers avec leurs lances
Menez jusqu'au couvent cette femme en démençe
Vat-en Lore en folie va Lore aux yeux tremblant
Tu seras une nonne vêtue de noir et blanc
Puis ils s'en allèrent sur la route tous les quatre
La Loreley les implorait et ses yeux brillaient comme des astres blanc
Chevaliers laissez-moi monter sur ce rocher si haut
Pour voir une fois encore mon beau château blanc
Pour me mirer une fois encore dans le fleuve
Puis j'irai au couvent des vierges et des veuves blanc
Là haut le vent tordait ses cheveux déroulés
Les chevaliers criaient Loreley Loreley blanc
Tout là bas sur le Rhin s'en vient une nacelle
Et mon amant s'y tient il m'a vue il m'appelle blanc
Mon cœur devient si doux c'est mon amant qui vient
Elle se penche alors et tombe dans le Rhin blanc
Pour avoir vu dans l'eau la belle Loreley
Ses yeux couleur du Rhin ses cheveux de soleil

Russisch der Originalkomposition: Mikhail Pavlovich Kudinov

К белокурой колдунье из прирейнского края
Шли мужчины толпой, от любви умирая.
И велел её вызвать епископ на суд,
Все в душе ей прощая за ее красоту.
- «О, скажи, Лорелея, чьи глаза так прекрасны,
Кто тебя научил этим чарам опасным?»
- «Жизнь мне в тягость епископ, и проклят мой взор.
Кто взглянул на меня, свой прочел приговор.
О епископ, в глазах моих пламя пожара,
Так предайте огню эти страшные чары!»
- «Лорелея, пожар твой всемогущ: ведь я
Сам тобой околдован и тебе не судья».
- «Замолчите, епископ! Помолитесь и верьте:
Это воля господня – предать меня смерти.
Мой любимый уехал, он в далекой стране.
Все теперь мне не мило, все теперь не по мне
Сердце так исстрадалось, что должна умереть я.
Даже вид мой внушает мне мысли о смерти.
Мой любимый уехал, и с этого дня
Свет мне белый не мил, ночь в душе у меня».
И трех рыцарей вызвал епископ: «Скорее
Уведите в глухой монастырь Лорелею.
Прочь, безумная Лор, волоокая Лор!
Ты монахиней станешь, и померкнет твой взор».
Трое рыцарей с девой идут по дороге.
Говорит она стражникам хмурым и строгим:
«На скале той высокой дайте мне постоять,
Чтоб увидеть свой замок могла я опять,
Чтоб своё отражение я увидела снова
Перед тем как войти в монастырь ваш суровый».
Ветер локоны спутал, и горит её взгляд.
Тщетно стража кричит ей: «Лорелея, назад!»
- «На излучину Рейна ладья выплывает.
В ней сидит мой любимый, он меня призывает.
Так легко на душе, так прозрачна волна...»
И с высокой скалы в Рейн упала она,
Увидав отраженные в глади потока
Свои рейнские очи, свой солнечный локон.

4. Le Suicidé

Original von Guillaume Apollinaire

Trois grands lys Trois grands lys sur ma tombe sans croix
 Trois grands lys poudrés d'or que le vent effarouche
 Arrosés seulement quand un ciel noir les douche
 Majestueux et beaux comme sceptres des rois
 L'un sort de ma plaie et quand un rayon le touche
 Il se dresse sanglant c'est le lys des effrois
 Trois grands lys Trois grands lys sur ma tombe sans croix
 Trois grands lys poudrés d'or que le vent effarouche
 L'autre sort de mon cœur qui souffre sur la couche
 Où le rongent les vers L'autre sort de ma bouche
 Sur ma tombe écartée ils se dressent tous trois
 Tout seuls tout seuls et maudits comme moi je croi
 Trois grands lys Trois grands lys sur ma tombe sans croix

Russisch der Originalkomposition: Mikhail Pavlovich Kudinov

Три лилии, лилии три на могиле моей без креста.
 Три лилии, чью позолоту холодные ветры сдувают.
 И черное небо, пролившись дождем, их порой оmyвает.
 И словно у скипетров грозных торжественна их красота.
 Растет из раны одна, и как только закат запыхает,
 Окровавленной кажется скорбная лилия та.
 Три лилии, лилии три на могиле моей без креста.
 Три лилии, чью позолоту холодные ветры сдувают.
 Другая из сердца растет моего, что так сильно страдает
 На ложе червивом: а третья корнями мне рот разрывает.
 Они на могиле моей одиноко растут, и пуста
 Вокруг них земля, и, как жизнь моя, проклята их красота.
 Три лилии, лилии три на могиле моей без креста.

5. Le petit soldat (Les attentives I)

Original von Guillaume Apollinaire

Celui qui doit mourir ce soir dans les tranchées
C'est un petit soldat dont l'œil indolemment
Observe tout le jour aux créneaux de ciment
Les Gloires qui de nuit y furent accrochées
Celui qui doit mourir ce soir dans les tranchées
C'est un petit soldat mon frère et mon amant

Et puisqu'il doit mourir je veux me faire belle
Je veux de mes seins nus allumer les flambeaux
Je veux de mes grands yeux fondre l'étang qui gèle
Et mes hanches je veux qu'elles soient des tombeaux
Car puisqu'il doit mourir je veux me faire belle
Dans l'inceste et la mort ces deux gestes si beaux

Les vaches du couchant meuglent toutes leurs roses
L'aile de l'oiseau bleu m'évente doucement
C'est l'heure de l'Amour aux ardentes névroses
C'est l'heure de la Mort et du dernier serment
Celui qui doit périr comme meurent les roses
C'est un petit soldat mon frère et mon amant

Russisch der Originalkomposition: Mikhail Pavlovich Kudinov

В траншее он умрет до наступленья ночи.
Мой маленький солдат, чей утомленный взгляд
Из-за укрытия следил все дни подряд
За славой, что взлететь уже не хочет.
Сегодня он умрет до наступленья ночи.
Мой маленький солдат, любовник мой и брат.

И вот поэтому хочу я стать красивой.
Пусть ярким факелом грудь у меня горит,
Пусть опалит мой взгляд заснеженные нивы.
Пусть поясом могил мой будет стан обвит.
В кровосмешении и смерти стать красивой
Хочу я для того, кто должен быть убит.

Закат коровою ревет, пылают розы.
И синей птицею мой зачарован взгляд.
То пробил час Любви, и час лихорадки грозной,
То пробил Смерти час, и нет пути назад.
Сегодня он умрет, как умирают розы,
Мой маленький солдат, любовник мой и брат.

6. Mais Madame (Les attentives II)

Original von Guillaume Apollinaire

Mais Madame écoutez-moi donc
Vous perdez quelque chose
– C'est mon cœur pas grand-chose
Ramassez-le donc
Je l'ai donné je l'ai repris
Il fut là-bas dans les tranchées
Il est ici j'en ris j'en ris
Des belles amours que la mort a fauchées.

Russisch der Originalkomposition: Mikhail Pavlovich Kudinov

- Мадам, посмотрите!
Потеряли вы что-то...
- Пустяки! Это сердце мое. .
Скорее его поднимите.
Захочу -- отдам. Захочу --
Заберу его снова, поверьте.
И я хохочу, хохочу
Над любовью, что скошена
смертью.

7. À la Santé

Original:**Guillaume Apollinaire**

Avant d'entrer dans ma cellule
Il a fallu me mettre nu
Et quelle voix sinistre ulule
Guillaume qu'es-tu devenu

Le Lazare entrant dans la tombe
Au lieu d'en sortir comme il fit
Adieu adieu chantante ronde
O mes années ô jeunes filles

Non je ne me sens plus là
Moi-même
Je suis le quinze de la
Onzième

Dans une fosse comme un ours
Chaque matin je me promène
Tournons tournons tournons toujours
Le ciel est bleu comme une chaîne
Dans une fosse comme un ours
Chaque matin je me promène

Que deviendrai-je ô Dieu qui connais
ma douleur
Toi qui me l'as donnée
Prends en pitié mes yeux sans larmes
ma pâleur

[...]

Et tous ces pauvres cœurs battant dans
la prison

L'Amour qui m'accompagne
Prends en pitié surtout ma débile
raison

Et ce désespoir qui la gagne

Le jour s'en va voici que brûle
ne lampe dans la prison
ous sommes seuls dans ma cellule
elle clarté, chère raison

Russisch der Originalkomposition:**Mikhail Pavlovich Kudinov**

Меня раздели догола,
Когда ввели в тюрьму;
Судьбой сражен из-за угла,
Низвергнут я во тьму.

Прощай, веселый хоровод,
Прощай, девичий смех,
Здесь надо мной могильный свод,
Здесь умер я для всех.

Нет, я не тот,
Совсем не тот, что прежде:
Теперь я арестант,
И вот конец надежде.

В какой-то яме как медведь
Хожу вперед -- назад.
А небо... лучше не смотреть --
Я небу здесь не рад.
В какой-то яме как медведь
Хожу вперед -- назад.

За что ты печаль мне эту принес?
Скажи, всемогущий боже.
О сжался! В глазах моих нету
слез,
На маску лицо похоже.

Ты видишь, сколько несчастных
сердец

Под сводом тюремным бьется!
Сорви же с меня терновый венец,
Не то он мне в мозг вопьется.

День кончился. Лампа над головою
Горит, окруженная тьмой.
Все тихо. Нас в камере только
двое:

Я и рассудок мой.

8. Réponse des Cosaques zaporogues au Sultan de Constantinople

Original: Guillaume Apollinaire

Plus criminel que Barrabas
Cornu comme les mauvais anges
Quel Belzébut es-tu là-bas
Nourri d'immondice et de fange
Nous n'irons pas à tes sabbats

Poisson pourri de Salonique
Long collier des sommeils affreux
D'yeux arrachés à coup de pique
Ta mère fit un pet foireux
Et tu n'acquis de sa colique

Bourreau de Podolie Amant
Des plaies des ulcères des croûtes
Groin de cochon cul de jument
Tes richesses garde-les toutes
Pour payer tes médicaments

Russisch der Originalkomposition: Mikhail Pavlovich Kudinov

Ты преступней Варравы в сто раз.
С Вельзевулом живя по соседству,
В самых мерзких грехах ты погряз.
Нечистотами вскормленный с детства,
Знай: свой шабаш ты справишь без нас.

Рак протухший. Салоник отбросы,
Скверный сон, что нельзя рассказать,
Окривевший, гнилой и безносый,
Ты родился, когда твоя мать
Извивалась в корчах поноса.

Злой палач Подолья, взгляни:
Весь ты в язвах и струпиях.
Зад кобылы, рыло свиньи.
Пусть тебе все снадобья скупят,
Чтоб лечил ты болячки свои.

9. O Delwig, Delwig

Original: Wilhelm Küchelbecker

О Дельвиг, Дельвиг! Что награда
И дел высоких и стихов?
Таланту что и где отрада
Среди злодеев и глупцов?

В руке суровой Ювенала
Злодеям грозный быч свистит
И краску гонит с их ланит.
И власть тиранов задрожала.

О Дельвиг, Дельвиг, что гоненья?
Бессмертие равно удел
И смелых вдохновенных дел
И сладостного песнопения!

Так не умрёт и наш союз,
Свободный, радостный и гордый!
И в счастье и в несчастье твёрдый
Союз любимцев вечных муз!

Deutsch: Maria Einstein

Sag, Delwig, mir, wo ist der Lohn
für hohe Taten und Gesänge?
Talente ernten stets nur hohn
bei der verdummten, rohen Menge.

Die Peitsche droht dem Bösewicht
in Juvenals gestrenger Hand.
Er bebt. Aus seinem Angesicht
entweicht das Blut. Er ist erkannt.

Zittert, Tyrannen, was nützt Rache?
Des Dichters feierlicher Sang,
des Helden kühner Überschwang,
unsterblich ist er beiden Sache!

Auch unser Bund wird niemals sterben.
Bestrahlt von ewiger Musen Gunst,
wird er für stolze Ziele werben
durch kühne Taten, hohe Kunst.

10. Der Tod des Dichters

Original:

Rainer Maria Rilke

Er lag. Sein aufgestelltes Antlitz war
bleich und verweigernd in den steilen Kissen,
seitdem die Welt und dieses Von-ihr-Wissen,
von seinen Sinnen abgerissen,
zurückfiel an das teilnahmslose Jahr.

Die, so ihn leben sahen, wussten nicht,
wie sehr er Eines war mit allem diesen;
denn Dieses: diese Tiefen, diese Wiesen
und diese Wasser waren sein Gesicht.

O sein Gesicht war diese ganze Weite,
die jetzt noch zu ihm will und um ihn wirbt,
und seine Maske, die nun bang verstirbt,
ist zart und offen wie die Innenseite
von einer Frucht, die an der Luft verdirbt.

Russisch der Originalkomposition: Tamara I. Silman

Поэт был мертв. Лицо его, храня
все ту же бледность, что-то отвергало,
оно когда-то все о мире знало,
но это знание угасало
и возвращалось в равнодушие дня.

Где им понять, как долгод этот путь:
о, мир и он -- все было так едино:
озера, и ущелья, и равнина
его лица и составляли суть.

Лицо его и было тем простором,
что тянется к нему и тщетно льнёт, -
а эта маска робкая умрёт,
открыто предоставленная взорам, --
на тленье обреченный, нежный плод.

11. Schlusstück

Original:

Rainer Maria Rilke

Der Tod ist groß.
Wir sind die Seinen
lachenden Munds.
Wenn wir uns mitten im Leben meinen,
wagt er zu weinen
mitten in uns.

Russisch der Originalkomposition:

Tamara I. Silman

Всевластна смерть.
Она на страже
и в счастья час.
В миг высшей жизни она в нас страждет,
ждет нас и жаждет --
и плачет в нас.